

Репрезентация концепта «русская литература» в поэзии Анатолия Аврутина

Явлением закономерным и необходимым в культуре и жизни является концептуализация понятий, предполагающая «введение онтологических представлений в накопленный массив эмпирических данных» [4, с. 459]. По поводу свойств и содержания концепта в современной науке существует множество различных точек зрения. Например, концепт понимается и как «мысленный образ материального или идеального объекта, непосредственно связанный в сознании с соответствующим языковым знаком» [5, с. 264], и как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3, с. 53]. Данные определения в большей степени связаны с лингвистической и культурологической картинами мира. Что касается литературоведческого концепта, то здесь четких дифференциаций нет. Мы сошлемся лишь на определение литературного концепта данное Н.В.Володиной, которая видит его как «смысловую структуру, воплощенную в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающую культурно-значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [2, с. 19]. Именно о литературном концепте, который отражает особенности ментальной природы, в том числе и национальной культурной принадлежности пишущего, и пойдет речь в данной статье.

Вопрос об определении поэта в поликультурном пространстве всегда остается острым. Пишущий по-русски, проживающий в Беларуси поэт является представителем белорусской русскоязычной литературы или русской литературы Беларуси? Каковы критерии, позволяющие это определить, и существуют ли они вообще? Мы не рискуем ответить на эти сложные вопросы в рамках данной статьи, однако попробуем порассуждать об этом на примере творчества Анатолия Аврутина.

В качестве отправной точки хочется процитировать Анатолия Аврутина:

*И как-то вмещаются в левом предсердье
И Черная речка, и Белая Русь»* [1, с.52].

Эти слова наталкивают нас на мысль о том, что лирический герой его живет в мире, пространственно привязанном к топосу Белая Русь, но равноценным этому топосу является и пространство русской культуры, русской литературы, суженное здесь до одной из граней пушкинского образа – местом гибели поэта, который традиционно считается самым русским из всех русских поэтов. Понимание пушкинской поэзии является своеобразным маркером, определяющим принадлежность поэта (или просто человека) к конкретной культуре. Но заданная автором равноценность данных понятий свидетельствует о невозможности

подобного определения, может быть, потому, что поэт живет вне времени и пространства, в мире, который он создает сам и который существует по иным законам. Единственное, что мы можем констатировать в данной ситуации, что концепт «русская литература» прочно вошел в поэтический дискурс Анатолия Аврутина и занимает в нем особое место.

Так, на страницах его поэтического сборника «Наедине с молчанием» в качестве героев произведений пять раз упоминается имя Александра Блока, трижды – Осипа Мандельштама и Сергея Есенина, дважды – Николая Гумилева, Анны Ахматовой, Велимира Хлебникова, Бориса Пастернака, Федора Сологуба, Владислава Ходасевича. Даже по этим именам легко заметить особое отношение автора к поэзии Серебряного века. В стихотворении «*Мятежный Блок, тревожный Мандельштам...*» поэт воздает должное этой поэтической эпохе, представители которой еще не знали:

...что будет наречен

«Серебряным» твой век – светло и гордо... [1, с. 133].

Автор проводит параллели между судьбой поэтов серебряного века и своих современников:

Так будет впредь... Так было испокон.

В свой век глагол глаголить бесполезно.

В несмелом вдохе – детский полусогн.

Но в выдохе – клокочущая бездна [1, с.133].

Пушкинская аллюзия в этих строчках заставляет героя задуматься не только о судьбе поэта, но и о назначении поэзии, о сущности поэтического творчества:

Когда обрушится прозренья,

Осветит истиной чело,

Нет тяжелей и нет маневренней

Того, что враз промозгло... [1, с.134].

Тема поэтического пророчества – одна из самых ярких в русской литературе, начиная со времен Пушкина и Лермонтова. Эта же тема находит свое продолжение и в лирике Анатолия Аврутина:

...В родимой стороне

Пророками пророки не зовутся. [1, с.211].

Продолжая позиционировать поэтический дар как дар свыше, лирический герой аврутинской поэзии также осознает свою миссию как нести истину людям, которые ее не поймут, по крайней мере, здесь и сейчас. Этому посвящен цикл «Поэт», в герое которого узнается и Сергей Есенин, и сам поэт:

Молчи, пророк!

В иные дни ты должен быть услышан,

Когда ж вокруг кровавый перепляс

И радий в дождь бежит по звонким крышам –

Уйми свой глас! [1, с.211].

Аллюзий и реминисценций из русской литературы в творчестве Анатолия Аврутина достаточно много. Например, тема горя от ума неоднократно возникает в его поэзии:

*В двадцатом столетии...Горе уму,
Когда этот ум существует для горя,
Впотьмах приближая вселенскую тьму
И вторя вселенскому ужасу, вторя... [1, с.35].*

Или:

*Вот такая земля...
Вот такие юдоли-чертоги.
Чуть утихнет, и снова извечное
«Горе уму». [1, с.73].*

Грибоедовская мысль органично вписывается и в историю двадцатого века, и в современность, причем именно культурная среда породившая эту мысль, постоянно ее и подпитывает. Когда поэт говорит о судьбе России, он практически всегда прибегает к литературным иллюстрациям:

*По России Пушкина и Блока,
Где опять всевластен Смердяков,
Без оков бредется одиноко... [1, с.85].*

Создается впечатление, что русская литература как бы программирует русскую реальность, согласно теории языковой креативности, все написанное воплощается в жизнь:

*Все свершилось. Все вышло до срока.
Бог не выдал. И «Аз» не воздал.
Только черная музыка блока.
Только бледная стельность зеркал... [1, с.32].*

В качестве эпиграфов к стихотворениям у А. Аврутина можно увидеть строчки из поэтических произведений русских авторов. Так, например, блоковские строчки «Под насыпью, во рву некошеном» позволяют автору продолжить размышления над женской долей и судьбой, накрепко связанной с судьбой литературных героинь:

*Эх, куда ж завело русских женщин российское слово!
Сколько тех Катерин в темный омут бросалось в грозу!
Вон Карениной выезд... [1, с.57].*

Поэтическая мысль Максимилиана Волошина «Святая Русь покрыта Русью грешной...» наводит автора на раздумья о судьбе Руси и ее нескончаемых противоречиях:

*Помнишь – на Руси начало рая
В этом нескончаемом аду... [1, с.75].*

Бальмонтовская строка «Чуждый чарам черный челн» является своеобразным образцом использования звукописного приема в стихотворении Анатолия Аврутина:

*Прозрачный призрак принес прозренье,
Под простынею письмо принес.
Падет позорное подозренье –
Письмо положено под поднос... [1, с.169].*

Данными примерами, безусловно, не исчерпывается репрезентация концепта «русская литература» в поэзии Анатолия Аврутина. Есть у него и традиционный для русской литературы образ Петербурга (стихотворение «Санкт-Петербургу»), историю страны он пишет с истории судеб писателей и поэтов (стихотворение «Как призрачно все!.. Как мгновенно!..»), свою собственную судьбу сопрягает с судьбой русских поэтов («И пускай говорят... Есть у каждого Черная речка!..» [1, с.120].), свое бытие лирический герой Анатолия Аврутина часто обрамляет поэтическим контекстом («И белую ахматовскую стаю// Порой впускаю в сумрак вечеров» [1, с.239].). Различного рода аллюзии, реминисценции, темы, герои, персоны русской литературы органически вплетаются в поэтическое пространство Анатолия Аврутина и создают особую атмосферу сопричастности созданного к огромному культурному пласту – русской литературе.

1. Аврутин, А.Ю. Наедине с молчанием: книга поэзии/ Анатолий Аврутин; предисл. А.Андреева. – Минск: Маст.літ., 2007. – 303 с. – (Золотое перо).
2. Володина, Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения / Н. В. Володина. – М.: Флинта, 2010. – 126 с.
3. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3-х т. – Т. 2. – Таллин. Александрия, 1992. – С.9 – 22.
4. Новейший философский словарь/ Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А.// 3-е изд., испр. - Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1280 с.
5. Стариченок, В.Д. Большой лингвистический словарь/ В.Д.Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.